

18+

ЕВГЕНИЙ КУДИМОВ

Портрет Воланда

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН-ПРИТЧА



Евгений Кудимов

**Портрет Воланда.
Фантастический роман-притча**

«Издательские решения»

Кудимов Е. В.

Портрет Воланда. Фантастический роман-притча /
Е. В. Кудимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969335-8

Книга представляется мне одной из попыток заговорить в художественной форме о серьезном — об иных, Божественных знаниях, сокрытых в Священном Писании, и таким образом дать пищу для ума людям, стремящимся без лицепрятия признанных человечеством авторитетов найти путь к Истине, к Богу, размышляющих о существовании и спасении человеческой души...

ISBN 978-5-44-969335-8

© Кудимов Е. В.
© Издательские решения

Содержание

К читателю	6
Часть 1.	8
Глава 1.	8
Глава 2.	15
Глава 3.	22
Глава 4.	28
Глава 5.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Портрет Воланда

Фантастический роман-притча

Евгений Викторович Кудимов

Роман посвящается:
– моим родным и близким друзьям, в чьи сердца мне хочется
достучаться в первую очередь;
– всем людям, живущим на Земле.

© Евгений Викторович Кудимов, 2019

ISBN 978-5-4496-9335-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор выражает благодарность и признательность:

– духовным братьям и земным друзьям, писателям-богословам из Санкт-Петербурга, автору революционной для человеческого сознания дилогии «Одна версия предательства Иуды», в основу которой положен метод аллегорического толкования Библии. **Полякову Евгению**

Дилогия, отвергая буквальное понимание священных текстов и приоткрывая тайны пророков и евангелистов, изменяет многовековые, упрощенные, представления людей о библейских событиях и персонажах, устраняет целый ряд так называемых противоречий и указывает спасительный путь к Истине;

автору книги «Казнить нельзя помиловать», продолжающей в лучших традициях изъяснение тайн Писания, скрывающихся за внешней плотью слова. **Фарзалиеву Александру,**

По сути своей данный роман является художественным выражением многих дерзновенных мыслей этих людей, пронизанных Откровением Святого Духа.

– , верной и надежной спутнице, поддерживающей мои творческие изыскания. **любимой жене Светлане**

– , чьи мысли и дружеская критика заставили меня переосмыслить содержание нескольких глав романа и написать дополнительный материал. Необходимо также отметить, что исключительно благодаря финансовой поддержке Александра эта книга смогла увидеть свет. **духовному брату Краснокутскому Александру**

К читателю

Прежде всего, автору хотелось бы отметить, что книга, которую читатель держит в руках, ни в коей мере не является попыткой написать в угоду времени и сложившемуся литературному рынку коммерциализированное и заведомо бессмысленное продолжение бессмертного произведения М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Будучи большим почитателем писательского таланта Михаила Афанасьевича и в полной мере разделяя мнение многочисленной армии его поклонников, автор считает однозначно законченным и не нуждающимся в правке или доработке роман великого писателя, посвященный Иисусу, Понтию Пилату и щемящей сердце земной любви Мастера и Маргариты.

И о каком продолжении булгаковской темы вообще может идти речь, если даже неоднократные попытки, предпринятые известными людьми, не лишенными таланта, экранизировать или воспроизвести на театральной сцене этот шедевр писателя, заканчивались, мягко говоря, не вполне удачно? Нет, нет, и еще раз нет!

В отличие от М. А. Булгакова, в определенной мере придерживавшегося традиционной трактовки известных библейских сцен, автор имеет дерзновение предложить вниманию читателя иной взгляд на события Страстной пятницы и на тех персонажей Нового Завета, которых человечество упрямо считало и считает воплощением зла, искушения, коварства и предательства, – на Дьявола и Иуду.

Что заставило автора взяться за перо?

Изошренная фантазия, не дающая покоя ни днем, ни ночью? Зависть к известным мастерам художественного слова? Склонность к графомании?

Нет, всего лишь желание помочь думающим людям найти собственную тропу, ведущую к Истине, к Богу, к спасению человеческой души. Ибо есть буква Писания, и есть дух Писания: «Буква убивает, а дух животворит!».

И за плотью буквы в Библии скрыты Божественные тайны – духовное понимание Писания.

Именно об этом подробно писали мои духовные братья и друзья – писатели из Санкт-Петербурга Евгений Поляков и Александр Фарзалиев в своих книгах «Одна версия предательства Иуды» и «Казнить нельзя помиловать».

И автор по мере данных ему сил всего лишь попытался в художественной форме рассказать о необходимости нового, спасительного понимания библейских текстов и учения Иисуса.

«Вы не так poznали Христа!» – говорил апостол Павел. Актуальность его слов, увы, не утрачена и для теперешнего поколения!

Библейские события не прекращались, они вечны во времени и постоянно происходят в человеческих душах!

И не напрасно сказал Иисус сын Сирахов: «Когда нечестивый проклинает сатану, он проклинает свою душу!»

В свое время автор глубоко задумался над этими словами и, опираясь в первую очередь на духовные изыскания моих друзей, а также на результаты собственных размышлений, предлагает принципиально другое видение главного источника «зла» во Вселенной.

Автор не выдумал полностью сюжет предлагаемой на суд читателя книги, и многие эпизоды в ней, и преображенная свита Воланда, и Зеркало судьбы, и Колодец откровения, и Дом ожидания, принял перед написанием романа как некую данность.

Я верю в Бога и знаю, что у каждого человека, живущего на Земле, и у любой разумной сущности, проживающей в иных мирах нашей Вселенной, есть душа. Каждый из нас, хочет он этого или нет, участвует в грандиозном процессе познания Богом Самого Себя, но не всякий понимает это, и не всякое познание спасительно.

И нет более важной задачи для людей, и для всех разумных форм, чем спасение собственной души. Спасение через открытие не в мире, а в себе, Господа Бога во всей Его полноте.

Люди, возлюбите мудрость! Откройте глаза и уши и обратите их внутрь себя! Бог там, Он ждет вас!

«Пусть спящий проснется!» – вот главная идея романа.

Все персонажи романа являются вымышленными, поэтому любое совпадение событий, фамилий, имен и иных фактов является случайным. *P.S.*

Часть 1.

Украденная картина

Глава 1.

Тайна старого художника

Заливистая трель телефонного звонка в очередной раз нарушила непродолжительный покой дежурного по отделению Петроградского РУВД города Санкт-Петербурга.

– Дежурный слушает, – привычно и монотонно произнес в трубку старший лейтенант милиции Клочков, испытывая легкое раздражение из-за того, что уже в третий раз он вынужден отложить в сторону бутерброд с колбасой, завернутый утром заботливой женой в целлофановый пакетик.

Старческий голос, с легкой хрипотцой, с другого конца телефонного провода был явно взволнованным:

– Это милиция? Срочно приезжайте! Большой проспект, дом 7, квартира 13. Звонит пенсионер Рохальский. Меня обворовали. Да, да, пока я был на даче. Пропали ценные вещи... Да, очень ценные. Сигнализация? Установлена, но она почему-то не сработала. Умоляю вас, приезжайте как можно быстрее. Для меня это вопрос жизни и смерти...

– Хорошо, не волнуйтесь. Ждите, к вам выезжает оперативная группа.

– Как говоришь, фамилия старика? Рохальский? На Большом проспекте живет? – подполковник Ерошкин слегка задумался. – Ах да, помню такого. Одиноким старичок-художник. Лет пять тому назад схоронил единственную дочку. Она вместе с мужем на машине разбилась, где-то в пригороде. Ты его должен помнить, Клочков. Я допрашивал старика в качестве свидетеля по делу о контрабанде антиквариата и пропавших картинах из Русского музея. Помнишь, в Выборге, на таможне, ребята нашли среди прочих вещей картины Рохальского. Надо сказать, весьма талантливо написанные. Питерские фарцовщики скупали их у него за сравнительно небольшие деньги, а потом втридорога продавали за границу. Так что мы с ним некоторым образом знакомы. Знаешь что, поеду и я, пожалуй, прокачусь с оперативной группой, наведаю старика. Кто у нас нынче из следователей дежурит?

– Новенький, лейтенант Круглов.

– Вот ему, кстати, и поручим это дело. Молодой, кровь кипит. От усердия из штанов выпрыгивает. Такой детской лопаткой за месяц подземный тоннель от Москвы до Бомбея прокопает.

– Да уж, в прыти ему не откажешь, – улыбнулся Клочков.

– Машину к подъезду через пять минут, – распорядился подполковник.

– Прокопать-то я и до Нью-Йорка прокопаю, но как нестати эта кража, лучше бы с завтрашнего утра ею заняться, – с тоской думал Круглов, мечтательный худощавый шатен среднего роста, с карими глазами и коротко подстриженными волосами, трясаясь в казенной машине и вспоминая ожидающие его дома котлеты с жареной картошкой, поддернутую инеем бутылку водки «Парламент» в холодильнике и, самое главное, молодую жену Веру...

Что ж, не будем слишком строги к нему, читатель, ведь с момента заключения Кругловым брачного союза не прошло и трех месяцев, и кровь бурлила у лейтенанта не только на работе.

– Нет, не поймет меня этот старый черт, – искоса взглянул Круглов на сидевшего рядом с ним в машине заместителя начальника Управления подполковника Ерошкина, хотя «старому черту», надо признаться, в ту пору исполнилось всего лишь сорок лет. – Ладно, попробую думать о чем-нибудь другом. О Нью-Йорке, например. Вчера про Америку интересная пере-

дача была по телевизору. Нью-Йорк показывали. Какой интересный город! Бродвей, Центральный парк, небоскребы... Эх, хоть в мечтах там побываю.

«С такой работой и зарплатой о Нью-Йорке нечего и мечтать, – ехидно прошептал ему внутренний голос. – Смотри по телевизору передачи „Вокруг света“, „Непутевые заметки“ с Дмитрием Крыловым и не рыпайся. В лучшем случае поедешь вместо Америки на дачу к родственникам, в Приозерск...»

Скрип тормозов прервал невеселые размышления Круглова.

– Приехали, лейтенант, – дернула его за рукав криминалист Сидорина, симпатичная 37-летняя брюнетка, строго следящая за своей фигурой, двумя детьми и мужем, доцентом Технологического университета. – Выходим.

Старый художник, казалось, был смертельно напуган. Бархатный берет, прикрывающий торчащие во все стороны жиденькие пряди седых волос, был сдвинут на затылок. Темные пятна от пролитого им успокоительного лекарства образовали непрерывную цепочку от груди до коленей на полинявшем и вытянутом вельветовом костюме бежевого цвета. В комнате резко и пронзительно пахло больницей.

– Ба, старый знакомый! Петр Константинович! – протянул ему руку Ерошкин. – Рассказывайте, что у вас случилось...

– Александр Иванович, дорогой, – узнал подполковника прослезившийся художник и радостно бросился к нему навстречу. – На вас вся надежда. Выручайте старика, иначе... не миновать беды. И мне, и всем вам...

– И нам? О чем это вы, дорогой мой? – недоуменно спросил Ерошкин, подняв удивленно брови, но затем быстро перевел все в шутку. – У вас хранились боевые отравляющие вещества времен Первой мировой войны? Или пушечный плутоний? Их и украли?

– Вы все шутить изволите, а у меня картина пропала, – понизив голос, сказал Рохальский и почему-то испуганно огляделся по сторонам, словно боялся увидеть что-то очень страшное.

– Какая картина? – поинтересовался Круглов.

– Что, одна картина? – с явным разочарованием вступила в разговор Сидорина. – И все?

– Нет, не только картина. Деньги, хрусталь, драгоценности жены моей покойной... Даже заначку мою долларовую, на похороны держал, и ту сперли... Да Бог с ним, со всем этим барахлом! Вы мне, главное, картину разыщите!

– Что же за картина такая? – не выдержал Круглов. – Видимо, старинная? Кто художник? Чья школа?

– Александр Иванович, можно вас в сторонку? На пару минут... – Проиgnорировав вопрос лейтенанта, старик потянул Ерошкина в другую комнату.

– Хорошо. Осмотрите пока квартиру, – обратился подполковник к Сидориной и Круглову. – Проверьте замки, окна. Лидочка, особое внимание уделите сигнализации. Не могли же воры через стену проникнуть? Или, возможно, кому-то из знакомых Рохальского был известен код и пароль сигнализации? Потом вместе с хозяином составьте список пропавших вещей и ценностей. Опросите соседей. Может быть, кто-нибудь что-то видел или слышал.

Оставшись наедине с подполковником, старый художник вновь огляделся вокруг со страхом, затем осенил себя крестным знаменем и тихим шепотом, слегка запинаясь, произнес:

– Украденная картина написана мной...

– А-а, понятно, – чертыхнулся про себя Ерошкин, но вслух сдержанно произнес: – Я понимаю, она дорога вам как память... На ней изображены близкие вам люди? Ваши родители?

Старик молчал, погрузившись в свои воспоминания.

– Жена? – участливо спросил подполковник.

– Скажите, Александр Иванович, вы читали роман Булгакова «Мастер и Маргарита»? – неожиданно спросил Рохальский, будто не слыша заданных ему вопросов.

– Ну да, читал в свое время, – удивленно буркнул Ерошкин, – году эдак в восьмидесятом или в восемьдесят первом... А при чем здесь Булгаков?

– Дело в том... – старик запнулся и опять перешел на шепот, – что на этой картине я нарисовал Воланда с его свитой...

«Вот старый идиот!» – в сердцах подумал Александр Иванович и спросил:

– Ну и что же в этой картине ценного или необычного? Разве что ваша память...

– Видите ли... – Художник наклонился к уху Ерошкина и прошептал: – Я писал эту картину с натуры...

– Так и есть! Все-таки старик спятил, – мелькнуло в голове у милиционера, – а жаль...

Он внимательно посмотрел в глаза Рохальскому. Удивительно, но никаких признаков безумия Ерошкин в них не заметил. Умные, выразительные глаза, в которых до сих пор плескался страх. Может быть, еще отчаяние. Но не безумие, нет!

– Как прикажите вас понимать, Петр Константинович? – задал ему вопрос подполковник, борясь со жгучим желанием немедленно послать старика куда подальше со всей его бредятиной.

– Это длинная история... Но извольте, я расскажу вам ее. Картина написана мной в 1937 году. Тогда я, молодой, бесшабашный художник, постоянно голодный и жадный до денег и славы, проживал в Москве на съемной квартире в Обуховом переулке, дом 9. Мне посчастливилось водить знакомство с Булгаковым, Олешей, Катаевым, Ильфом и Петровым...

Ах, какие это были прекрасные и незабываемые дни моей жизни! Мы часто собирались на квартире у Булгакова по вечерам. Пили вино, читали стихи, пели, смеялись и спорили до хрипоты...

Я демонстрировал друзьям свои ранние работы. В те годы символизм и футуризм были загнаны в подполье и официально господствовал так называемый социалистический реализм. Рабочие будни и трудовые вахты, колхозники на полях, рабочие у станков, знамена Первомая, ну, и разумеется, великий вождь со своим окружением. Я, грешным делом, отдавая дань времени и помня о собственной безопасности, тоже выполнял ряд заказных работ.

Но в узком кругу я показывал совершенно другие картины. На них черные ангелы зловещими птицами падали на опустевшие города, люди сходили с ума и превращались в животных... Демоны с мечами в руках, пересохшие реки, зарево на горизонте, и все, знаете ли, такое и тому подобное...

Булгаков, в свою очередь, иногда читал нам главы своего будущего романа «Мастер и Маргарита». Всем безумно нравилось, а я тогда тихонько подсмеивался над ним, считая, с одной стороны, его роман выдумкой и фантазией, а с другой стороны, чуть ли не религиозной пропагандой.

– Вы что, Михаил Афанасьевич, – говорил я ему, – хотите сказать, что Христос все-таки существовал? И дьявол тоже? И вы верите в это? Вы знаете, что я вас люблю и очень уважаю, но, извините меня, нельзя же лить воду на мельницу религиозного дурмана. И это в то время, когда в нашей стране строится социализм и церковь практически отделена от государства. А если о вашем романе узнают в НКВД?

– Но ты ведь об этом им не расскажешь, – грустно улыбался Булгаков. – А если и расскажешь, то я надеюсь, дашь иную политическую оценку...

– Я не расскажу, и друзья мои и ваши не расскажут. Но вокруг нас не только друзья, поймите это.

– Значит, мой роман увидит свет в иное время, – отшучивался писатель. – Вы же все можете считать его сказкой для взрослых. Хотя, глядя на твои картины, никогда не скажешь, что ты убежденный атеист.

Но однажды вечером, когда гости уже разошлись, а я задержался в гостинной, упаковывая свои картины, Михаил Афанасьевич подошел ко мне и сказал:

– Не знаю почему, но все же хочу открыть тебе маленькую тайну, Петя. Я не случайно пишу этот роман. И я должен обязательно дописать его, – он поднял на меня взгляд, такой выразительный и грустный, – перед тем, как уйду в мир грез.

Затем он положил мне на плечо свою руку и добавил:

– А тайна заключается в том, что я лично видел Воланда и его свиту...

– Бедный Булгаков, – подумал я в ту минуту, – он сошел с ума от своих фантазий! – Я был однозначно убежден в помутнении его рассудка. Впрочем, вы ведь тоже считаете, что я сумасшедший, не так ли, Александр Иванович?

От такого внезапного вопроса Ерошкин вздрогнул.

Рохальский слегка улыбнулся и продолжил:

– Когда я уходил, Михаил Афанасьевич долго держал меня за руку, видимо, чувствуя, что мы с ним больше не увидимся, и наконец сказал:

– Мне кажется, Петя, что ты скоро получишь подтверждение моим словам.

Последней фразой были слова из его будущего романа: «Поверь хотя бы в то, что дьявол существует...»

Я вернулся к себе домой озадаченным и расстроенным состоянием здоровья моего дорогого друга. Я даже намеривался, посоветовавшись с Катаевым, пригласить к Михаилу Афанасьевичу на выходные дни опытного московского врача Никольского. Однако через два дня, возвратившись к себе на квартиру в полночь, я обнаружил там незваных гостей, увидев которых, едва не лишился рассудка сам.

– И кто же это был? – иронично поинтересовался Ерошкин.

– Вы напрасно смеетесь, Александр Иванович, – строго сказал хозяин. – Это и был Воланд со своей свитой, сошедший со страниц романа Булгакова. Он предложил мне написать его портрет, взяв с меня слово, что картина никогда не будет демонстрироваться публично и не покинет пределы моей ленинградской квартиры...

– Вы хотите сказать, что он заранее знал о вашем возвращении в Ленинград? – внешне стараясь держать себя в рамках приличия, но в душе считая старика окончательно свихнувшимся, спросил подполковник, а про себя подумал с изумлением: «Я задал ему вопрос о Воланде так, как будто он и в самом деле существует. Нет, с этим Роухальским определенно можно и самому с катушек слететь...»

– Разумеется, – ответил старый художник. – Воланд знает все. И на Земле, и во Вселенной все находится в его власти.

Ерошкин не выдержал и выразительно хмыкнул:

– Так уж и все...

– И я боюсь, – старик очередной раз начал впадать в состояние панического страха, – что утрата картины и сегодняшний разговор мне дорого обойдутся.

– Успокойтесь ради бога, Петр Константинович, успокойтесь. В обиду мы вас никому не дадим. А картина ваша, я думаю, скоро найдется. Это все-таки не иголка в стогу сена, – желая успокоить Роухальского, убежденно проговорил Ерошкин. – А теперь давайте-ка лучше поможем моим сотрудникам составить полный список украденных вещей и разобраться с вашей сигнализацией. Надеюсь, в ближайшие дни мы сумеем выйти на след преступников.

Вернувшись в гостиную, подполковник обнаружил Круглова и Сидорину стоящими перед правой от входа стеной у отодвинутого в сторону стола, накрытого тяжелой вишневой скатертью с кистями, и оживленно размахивающими руками. Лицо Круглова сияло победной улыбкой.

– Вижу, вижу, лейтенант, что-то ты раскопал. Ну, давай, хвались, докладывай скорее, – довольным голосом произнес Ерошкин.

– Разрешите по порядку, товарищ подполковник? – улыбка лейтенанта стала еще шире. – В первую очередь мы с Лидией Николаевной исследовали входную дверь, окна и сигнализацию.

Сигнализация работает отлично, без сбоев. Прозвонили на пульт дежурному: никаких попыток проникновения в квартиру посторонних лиц не выявлено. В компьютере зафиксирован факт сдачи квартиры под охрану гражданином Рохальским в пятницу. Я так понимаю, перед отъездом на дачу, – художник утвердительно качнул головой, – а также факт снятия квартиры с сигнализации сегодня, в понедельник, в 14.30.

– Да, именно так, – подтвердил старик, – в это время я вернулся домой с вокзала. У меня еще соседка на площадке спросила, который час. Я посмотрел на часы: было 14.25. Затем открыл квартиру, отключил сигнализацию, позвонил диспетчеру. Оно так и выходит: 14.30.

– Продолжай, лейтенант, – одобрительно кивнул Ерошкин.

– Фактов взлома или повреждения запирающих устройств, замков, окон и дверей не установлено. Исследовали пол и потолок на кухне, в коридоре, в ванной комнате и туалете – ничего...

– Ну-ну, – нетерпеливо прорычал Ерошкин, – не тяни кота за хвост, Круглов.

– ...И тут решил я заглянуть в гостиной под стол. Сам не знаю, почему. Наверное, интуиция подсказала. Смотрю, куски обоев в нескольких местах торчат. Толкнул стенку в этом месте, а она и зашаталась...

– Проломили??

– Скорее, аккуратно выпилили. Стенка не капитальная: дерево, гипс... Но сработано по высшему классу. Настоящие мастера, даже мусор за собой убрали. А с обратной стороны и обои наклеили.

– Откуда знаешь? – удивился подполковник.

– Обижаете, Александр Иванович! Пока вы с художником разговаривали, я успел навестить соседей за стенкой...

– Молодец, Круглов! Шустрый ты... как электрический веник. Думаю, что ты и в самом деле при случае тоннель до Бомбея прокопаешь.

– Если позволите, до Нью-Йорка, товарищ подполковник, – польщенный похвалой начальника, поправил его Круглов.

– Почему до Нью-Йорка? У тебя что там, родственники?

– Никак нет, он мне просто два раза во сне снился. И я подумал, вот было бы интересно воочию этот город посмотреть.

– Ишь ты куда замахнулся, лейтенант! – погрозил ему пальцем Ерошкин. – Смотри, кому из наших ребят не скажи – засмеют!

Потом, усмехнувшись, махнул рукой:

– Ладно, копай до Нью-Йорка. Докладывай дальше.

– Обычная коммунальная квартира. Восемь квартиросъемщиков. Интересующая нас комната на замке. Запасной ключ взял у соседки, Антонины Петровны Степановой. Она-то мне и рассказала, что данная комната принадлежит Варваре Семеновне Погремухиной, пенсионерке, которая сдает ее «азерам»... извините, товарищ капитан, азербайджанцам. Торгашам с Сытного рынка.

– Фамилии назвала?

– Никак нет, Александр Иванович. Их, говорит, здесь уже десятка три поменялось, а для Степановой они все на одно лицо. Черные, страшные, и воняют гнилыми фруктами. Правда, тихие, не скандальные. За жилье и электричество платят во время. Утром уходят, поздно ночью приходят, таскают взад-вперед мешки и ящики. Жалуется, что всю квартиру провоняли. Но последние две недели никого не видела, словно сквозь землю провалились.

Что касается картины, то она вырезана из подрамников, предположительно, строительным ножом. В секретере найдены пустые коробки из-под ювелирных изделий, разорванный конверт...

– В нем доллары у меня лежали... – заохал художник, – гробовые...

– Большая сумма? – поинтересовался Ерошкин.

– Три тысячи долларов... – обреченно вздохнул художник.

– Так, так. Понятно... Слушай меня внимательно, Круглов, и записывай. За квартирой установить скрытое наблюдение. С соседкой Степановой подружиться и дать ей наш дежурный телефон. Если кто-то появится из кавказских квартирантов, пусть сразу же позвонит. Опроси ее еще раз, составь приметы тех, кого она сможет вспомнить. Лидочка, попробуйте поискать отпечатки пальцев, прежде всего на месте пролома в стене. Да, кстати, снимите пальчики Рохальского. Обязательно. Внимательно осмотрите спальную комнату. Может быть, что-нибудь там найдется. Составьте список украденных вещей и копию завтра мне на стол. И вот еще что...

Ерошкин отвел в угол Круглова и Сидорину:

– Старик, похоже, с горя помешался. Про дьявола что-то рассказывает, про Булгакова, «Мастера и Маргариту». Утверждает, что на украденной картине им собственноручно нарисован с натуры дьявол со всей его свитой...

– Вот заливает дед! – улыбнулся Круглов, а сам подумал: «Любопытно было бы на эту картину взглянуть хотя бы одним глазком...»

– Так что будьте с ним поделкатнее, не волнуйте понапрасну. А то потом будут говорить, что это мы его с ума свели. Все, я уехал. Жду вас завтра утром с докладом.

– Александр Иванович, а может быть, завтра с утра и начнем? – робко закинул удочку Круглов. – Поздно уже, и жена у меня дома волнуется...

– У всех жены дома, Виталик, и все волнуются, – отрезал подполковник. – Моя тоже волнуется. Помнишь песню: «Наша служба и опасна, и трудна...»? Понимаешь, трудна. Ущучил? Поэтому разговорчики отставить и за работу!

Ерошкин подошел к неподвижно застывшему в кресле Рохальскому:

– Вынужден покинуть вас, Петр Константинович. Служба, ничего не поделаешь. Оставляю вам следователя Круглова и эксперта-криминалиста Сидорину. Круглов будет заниматься вашим делом, держите с ним связь. Надеюсь, что с его и вашей помощью мы скоро найдем злоумышленников.

Ерошкин хлопнул дверью. Старый художник с недоверием посмотрел на сотрудников милиции и прошептал:

– Господи, помоги им! Помоги нам всем! Иначе... он вернется...

– Кто вернется, папаша? О ком это вы? – в душе подсмеиваясь над стариком, спросил Круглов.

– Дьявол вернется в человеческом облики. Нельзя этого допустить, иначе больших бед он понаделает. – Рохальский умоляюще скрестил перед собой руки. – Найдите и верните на прежнее место мою картину, я вас очень прошу! Заберите себе и золото, и деньги, только картину верните. А ко мне приставьте вооруженную охрану...

– Найдём, папаша, непременно найдём! А насчет охраны вам лучше с Александром Ивановичем завтра поговорить. – Лейтенант повернулся к Сидориной и выразительно качнул головой: дескать, прав был Ерошкин, «съехал» старичок...

– Завтра может быть поздно... – грустно и отрешенно прошептал в сторону пригорюнившийся хозяин.

– Бросьте вы, дорогой товарищ, завтра уже не за горами. – Круглов выразительно взглянул на часы. – Так, давайте, Петр Константинович, приступим к делу. Время не ждет...

– К делу, говорите? Ну что же, давайте приступим.

Старик подсел к столу и, окинув лейтенанта цепким взглядом, неожиданно спросил:

– Скажите, товарищ следователь, а вы тоже считаете меня сумасшедшим?

– Что вы, что вы, папаша, и в голову ничего подобного не приходило, – хорошо помня наказ начальника не волновать потерпевшего, уверенно выпалил Круглов, но при этом густо покраснел.

– Вы даже не представляете, что нас ожидает, если в ближайшие дни картина не вернется на прежнее место, – многозначительно поднял указательный палец вверх художник и добавил, отчетливо выговаривая каждое слово:

– Запомните мои слова, лейтенант, хорошенько запомните. Мой покойный приятель, Михаил Афанасьевич Булгаков, которого я в свое время тоже посчитал сумасшедшим, пытался меня предупредить... – внезапно старик резко поднялся из-за стола и схватился одной рукой за сердце.

– Что с Вами, Петр Константинович? – кинулась ему на помощь Сидорина. – Может быть, примите что-нибудь от сердца? Виталий, подай стакан воды...

– Не надо воды! Я абсолютно здоров, и я не сошел с ума! Вы же не слышите меня, вы не хотите мне поверить! – И вдруг, прервав свою речь, старый художник с необычным для его возраста проворством подбежал к окну, на стеклах которого, как показалось Сидориной, проявились какие-то кабалистические знаки.

– Смотрите, смотрите! – Рохальский лихорадочно забарабанил пальцами по стеклу. – Вы видите это?

Круглов одним прыжком оказался возле старика, внимательно оглядел оконные стекла и даже выглянул во двор, однако, ничего не обнаружив, разочарованно вздохнул и с укоризной посмотрел на художника:

– Вы явно переутомились, папаша.

– Я погиб, я погиб... – Зубы Рохальского начали отстукивать бешеную дробь. – Это был его знак...

– Какой знак, Петр Константинович? – раздраженно буркнул лейтенант. – Это Вам просто померещилось, нет там ни хрена...

Сидорина в недоумении покачала головой:

– Ты знаешь, Виталий, мне кажется, что я видела на стеклах какой-то странный рисунок...

Вооружившись лупой, она минут пятнадцать провозилась у подоконника, после чего сокрушенно развела руками:

– Действительно, никаких следов....

Старик обессилено рухнул в кресло и испуганно сжался в комок:

– Он лишает ума и зрения всех кого захочет. Вот и вы уже попали под его влияние. А он... – Глаза Рохальского наполнились ужасом и безумием. – Боже мой! Он и сейчас говорит во мне... Он говорит, что скоро и вам, и всем петербуржцам будут представлены весомые доказательства существования дьявола...

Круглов тихонько хихикнул и незаметно для художника недвусмысленно покрутил пальцем у виска.

Глава 2. И он вернулся...

В среду утром в кабинете Круглова зазвонил городской телефон.

– У аппарата, – надеясь услышать голос жены, обрадовано схватил он трубку и вспомнил, как на прошлой неделе они разыграли по телефону жену старшего следователя Фролова. Дождавшись в тот день звонка своей благоверной, Фролов поднял трубку и, как будто не слыша ее голоса, сказал казенным голосом: – Одну минуточку, подождите, – и, повернувшись к Круглову, вдруг закричал зверским голосом: – Ты будешь отвечать, сволочь? Не будешь? Получай! На тебе, еще, еще! – и, подмигнув лейтенанту, несколько раз ударил по столу увесистым томом Уголовно-процессуального кодекса. – Теперь будешь говорить, мерзавец?

– Буду! – тонким писклявым и жалостным голосом подыграл ему Круглов, еще не до конца осознавший, в чем дело, но понимая, что это, видимо, какой-то розыгрыш.

– Да, – снова взял в руки трубку Фролов. – Ах, это ты, дорогая? Привет, привет! Да, буду к семи. Не забудь подогреть голубцы. Целую.

– Андрей Владимирович, так это ты с женой разговаривал? – потрясенно произнес лейтенант, все еще не веря своим ушам.

– Воспитываю, – Фролов дважды, со значением, поднял брови, – и тебе советую сделать то же самое. Страх рождает уважение. Хочешь, в следующий раз твою жену разыграем?

Однако на проводе была не Вера. Тихий старческий голос спросил:

– Могу я услышать следователя Круглова?

– Это я... – и разочаровано, и удивленно произнес лейтенант.

– Вас беспокоит Антонина Петровна Степанова, соседка Рохальского. Срочно приезжайте, товарищ лейтенант. С соседом беда приключилась...

– Какая беда? – еще ничего не понимая, но чувствуя сердцем что-то недоброе, спросил следователь.

– Сгорел дотла...

– Как сгорел? – Круглов ошеломленно опустился на стул.

– Сами увидите. Мы до сих пор поверить не можем в случившееся, – прошамкала бабуля. – А дело, значит, было так. В полночь из его квартиры гарью и дымом потянуло, но огня не было видно. Я не спала, позвонила ему в дверь – не отвечает. А гарью все пахнет и пахнет. Подняла на ноги соседей, и мы решили вызвать пожарную машину. Пожарные приехали, сломали дверь, а он лежит на полу уже обугленный...

– Ждите, выезжаем, – дрожащими от волнения руками Виталий набрал номер телефона Ерошкина. – Александр Иванович, у нас ЧП. Рохальский сгорел...

– Знаю, мне уже доложила служба наружного наблюдения. Выезжайте с Сидориной на место происшествия. Срочно!

В квартире Рохальского действительно пахло гарью и еще почему-то ладаном. Труп художника, обгоревший до неузнаваемости, лежал посреди гостиной. Паркет, почерневший и обуглившийся, образовал под его телом темное пятно яйцевидной формы площадью около четырех квадратных метров. Самым поразительным было то, что в квартире от пожара больше ничего не пострадало.

Сидорина тронула за плечо застывшего перед телом старика и все еще не пришедшего в себя от потрясения лейтенанта Круглова:

– Посмотри, какое странное совпадение, Виталий! Форма пятна на потолке в точности соответствует форме обгоревшего паркета. И при этом, заметь, цела вся мебель, и даже шторы не воспламенились от температуры пламени. Пожарники, похоже, ничего не тушили, а всего лишь взломали дверь...

– Как же это так, Лидия Михайловна? – развел руками Круглов. – Может быть, он сам себя поджег? Случайно?

Сидорина наклонилась над телом:

– Попробуем разобраться, – она опустила на колени, внимательно осмотрела тело художника через лупу, обнюхала и, сняв пинцетом несколько кусочков обгоревшей ткани, положила их в стеклянный пузырек. – Не похоже на самоубийство. Тело будто было облито какой-то сильно воспламеняющейся жидкостью, но не бензином или керосином, а чем-то другим. Сделаем анализ, возможно, сумеем определить точно состав горючей смеси. В любом случае, если рассматривать версию самоубийства, то где-то вблизи тела или в карманах потерпевшего должны быть найдены спички, зажигалка...

– Однако ничего такого нет, – облазав всю комнату и обыскав труп, отметил лейтенант. – А вы не исключаете возможную версию убийства старика? Скажем, теми же преступниками, которые похитили его картину?

– Я, милый мой, в работе руководствуюсь фактами и только фактами. А насчет убийства... За двенадцать лет работы в милиции я всякого насмотрелась. Все может быть. Ты лучше пока осмотри окна и двери и побеседуй с соседями: не приходил ли кто-нибудь к Рохальскому ночью? Или в ту комнату, из которой к нему в квартиру залезли...

Круглов вернулся через сорок минут и грустно выдохнул:

– К сожалению, безрезультатно.

– Зато у меня для тебя кое-что есть. Посмотри, что у старика было зажато в левой руке. – Сидорина протянула ему обгоревший по краям кусок листочка из школьной тетради.

Это оказалась последняя записка Рохальского. Буквы плясали в ней вкривь и вкось: «Он вернулся».

– Не может быть! – Виталий машинально сделал шаг вперед и, споткнувшись о тело художника, полетел вперед с вытянутыми руками.

– Ну до чего же суетлив этот молоденький следователь! – подумала Сидорина, и подмигнув обгоревшему телу, произнесла шутливо: – Извини, старик, я не думала, что ты так напугаешь парня... Но ты сам виноват, не надо было путаться у Круглова под ногами...

Вставшему с пола Круглову она укоризненно погрозила пальцем:

– Виталий, если ты еще пару раз пнешь художника, то нам потом будет очень нелегко доказать руководству, что его не забили ногами до смерти сотрудники милиции.

Вернувшись на работу, Круглов первым делом позвонил любимой жене Вере и попросил ее срочно купить или взять у кого-нибудь почитать не выходивший у него из головы роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

К счастью, книга нашлась у соседки Тамары, но она дала роман Вере строго на неделю, наказав не рвать страницы, не закапывать их супом и самое главное, не ставить на книгу сковороду с яичницей.

Всю ночь просидел лейтенант за кухонным столом, жадно поглощая страницу за страницей. Чтение романа так захватило его, что он и не заметил приближения рассвета.

Забывшись на час-полтора тревожным сном, Виталий мелко сучил ногами, ерзая под одеялом, и отчаянно плевался, потому что приснилась ему, как он тогда посчитал, полная нелепица и ерунда.

Будто пришли они вместе с подполковником Ерошкиным в отдел кадров ГУВД, сели перед дверью кабинета с надписью «Начальник кадров», но в слове «начальник» вторая буква «а» куда-то запропастилась. Замигала и загудела красная лампочка над дверью: входите, мол. Вбегают они с Ерошкиным в кабинет, а за столом в военном френче, но без погон, сидит мужчина, до ужаса похожий на Гитлера. Можно сказать, просто копия бывшего вождя немецкого народа, но только без усов и с вьющимися пейсами.

И вот эта копия фюрера кричит им противным, визгливым голосом, произнося букву «р» исключительно на семитский манер:

– Принято решение, товарищи офицеры, срочно командировать вас за границу. Вас, Круглов, – в Нью-Йорк, а вас, Ерошкин, – в Японию.

– Как в Японию? – удивляется Ерошкин. – Я ведь японский язык совсем не знаю.

– В том-то вся и прелесть, дорогой мой, что языка вы не знаете, – орет кадровик. – С языком в Японию любой дурак захочет поехать. А вы им пальцами да командным голосом все и объясните. Где надо, по матери пошлите, тут вы у нас большой специалист, не мне вас учить. А мне по возвращении соответствующий отчетик предоставьте, будьте любезны. И если не забудете, то фотоаппарат последней модели «Sony» прихватите, а денежки я вам здесь натурально отдам.

– Извините, но я английского языка тоже толком не знаю, – робко признался Круглов. – И чего я там буду без языка делать, в этой Америке?

– Эх, молодо-зелено, – грустно вздохнул двойник фюрера и, ткнув пальцем в Ерошкина, завопил, перейдя с Кругловым на «ты»: – Джинсы своему начальнику привезешь, бестолочь! Ты посмотри, как Александр Иванович обносился! И джинсы приличные он сроду не носил. Вы ведь будете носить американские джинсы, Александр Иванович?

– Буду! – неожиданно кивнул головой подполковник.

– Вот видишь! – продолжал орать «Гитлер». – И ребятам в отделе привезешь, и мне, грешному! А насчет языка не изволь беспокоиться – там наших эмигрантов пол-Нью-Йорка бегают. Как собак на помойке...

– А позвольте полюбопытствовать, – в голосе Ерошкина зазвучали уважительно-заинтересованные нотки, – какова цель наших поездок за границу?

– Объяснить руководству стран, лидерам политических партий и представителям крупного капитала, до какого бедственного положения довели в нашей стране несчастных работников милиции. Развели, понимаешь, борьбу с коррупцией и оборотнями в погонах! Совсем житья никакого не стало. А у нас дети малые, жены – домохозяйки, любовницы... – кадровик смахнул слезу рукой. – Короче говоря, пусть готовят там у себя за границей материальную помощь нашим работникам для компенсации предстоящих денежных потерь... Открывают специальные фонды, вводят дополнительные отчисления с каждой коммерческой и государственной компании. И срочно!

– А если откажут? – засомневался Круглов.

– Откажут, говоришь? Тогда пусть трепещут, проклятые капиталисты! Скажите им, что они еще не знают, что такое настоящая русская мафия. Мы к ним за границу переберемся... Всем личным составом, включая руководящий аппарат.

Обалдевшие Круглов и Ерошкин разинули рты:

– А-а...

– И никаких разговорчиков, – категорическим тоном отрезал кадровик. – Вещей и оружия с собой не брать, только удостоверения. Сбор сегодня в полночь.

– Где? – еле ворочая онемевшим от изумления языком, вымолвил лейтенант.

– Как где? Да я вижу, вы совсем нюх потеряли, мерзавцы! Такие глупые вопросы задаете... Вот я вам в очередных аттестациях обязательно отмечу профессиональное скудоумие и прогрессирующий кретинизм. Конечно же, на Большом проспекте, дом 7, квартира 13, у покойного художника Рохальского... – с этими словами бывший вождь немецкого народа вдруг начал быстро раздуваться, как воздушный шар, и, громко лопнув, забрызгал Круглова и Ерошкина какой-то вонючей жидкостью.

– Тыфу ты, приснится же такая ерунда! – вскочил на ноги Виталий, слышав звон будильника. – Рассказать Ерошкину или не стоит?

На выходе из метро «Петроградская» его внезапно сильно толкнул в плечо мчавшийся куда-то, как гончая собака, среднего роста гражданин в потрепанном клетчатом пиджаке:

– Извините, товарищ Круглов, честное слово, тороплюсь. Проездные документы готовлю, в командировку. В Америку. Не желаете прокатиться? – и хитро подмигнув лейтенанту, быстро затерялся в толпе.

Круглова словно палкой ударили по голове:

– Это же кадровик, похожий на Гитлера, из моего сегодняшнего сна! Мистика! Наваждение какое-то! Стоп, стоп, а откуда он знает мою фамилию?

На работе Виталий впал в оцепенелое состояние и битых два часа подряд просидел за столом, уставившись в одну точку и не отвечая на телефонные звонки. Он бормотал как заведенный:

– В полночь на Большом проспекте. Вещей не брать. Я вам покажу, мерзавцы! Совсем нух потеряли...

Затем он вскочил с места и кинулся без предварительного звонка к кабинету Ерошкина. На его счастье, подполковник был один. Ерошкин медленно расхаживал по кабинету и разговаривал сам с собой:

– Не могли же старика сжечь грабители? Какой в этом смысл? Красть в квартире больше нечего, в лицо преступников Рохальский не видел... Не понимаю. И следов никаких не осталось. Кроме наследивших пожарников. И зачем ему кончать жизнь самоубийством? С расстройства? Из-за пустяковой картины? Маловероятно... – Подполковник услышал стук в дверь:

– А, это ты, лейтенант! Ну что, напал на след похитителей картины? Хотя вряд ли, вид у тебя слишком кислый. Ну, говори, зачем пришел.

– Товарищ подполковник, вы верите в вещие сны? – выпалил Круглов, судорожно схватившись за край стола.

– Пожалуй, верю, – машинально ответил Ерошкин, продолжая, видимо, размышлять о необычном пожаре на Большом проспекте.

– Постой, – он спохватился, – а почему ты мне такой вопрос задаешь?

– В нашем роду способность видеть вещие сны по наследству передается, – не моргнув глазом, соврал Виталий и даже не покраснел. – У меня бабушка по отцовской линии известной гадалкой в деревне была. Вот и я сегодня ночью вещий сон видел. Уверен, что преступники должны в полночь вновь появиться в квартире Рохальского. Прошу вашего разрешения отправиться в засаду на Большой проспект. Немедленно.

– Ну что ты будешь делать с этим Пинкертоном! – возмущенно поднял брови вверх подполковник. – Вероятно, в городе вспышка повального сумасшествия началась. Сначала старик, теперь ты... Слышь-ка, лейтенант, на Солнце протуберанцы не взрывались на днях? Не слышал?

– Никак нет, товарищ подполковник, не слышал.

– И пыльным мешком тебя из-за угла не били вчера вечером?

– Я серьезно говорю, товарищ подполковник, – обиделся Круглов.

– И я серьезно. Иди проспись, Виталий, у тебя глаза как у кролика красные. Ты что, ночью не спал?

– Спал, товарищ подполковник, но мало. Почти всю ночь «Мастера и Маргариту» читал. Интереснейшая вещица, между прочим. – Круглов повернул дверную ручку. – Александр Иванович, а что если Рохальский не врал про картину и свиту Воланда?

– Меньше надо по ночам всякие глупости читать, тогда подобные мысли в голову придти не будут, – назидательным голосом сказал Ерошкин. – Разрешаю уйти с работы на час пораньше. Поужинай, жену приголубь... И чтобы в 22 часа отбой. Понял? Все, свободен.

В 17 часов подполковник вскипятил воду в электрическом чайнике, заварил душистый чай и решил подкрепиться пряниками и медом. В это время кто-то осторожно постучал в дверь.

– Войдите, – пробурчал Ерошкин, подумав с негодованием: «Кого еще там нелегкая принесла?»

В дверном проеме появилась стриженная голова настырного лейтенанта Круглова:

– Александр Иванович, у меня сердце вещует. Надо ждать гостей у художника. Разрешите отправиться с опергруппой на Большой проспект? Я чувствую...

– Значит так, лейтенант, – наливаясь яростью, прервал его Ерошкин, – я тоже чувствую, что очередное звание ты у меня вовремя не получишь. Я сам пойду с тобой в засаду на квартиру, но если в полночь там никто не появится, я тебя в порошок сотру и к больному зубу приложу. Ты меня хорошо понял?

– Так точно, Александр Иванович, – приуныл Круглов, – разрешите с женой попрощаться?

– Вещие сны он, понимаете ли, видит. А я страдаю из-за его глупостей, – дожевывая пряник, продолжал после его ухода кипятиться Ерошкин.

Но внезапно он вспомнил, как ребята с Литейного, из ФСБ, рассказывали ему об одном питерском экстрасенсе, которые видел события из будущего.

Якобы именно он в свое время предсказал войну с Ираком, падение цен на нефть, глобальный экономический кризис, дальнейшую эмансипацию женщин, первого беременного мужчину, передачу половых и вирусных заболеваний через интернет и много других невероятных вещей...

– А вдруг и Круглов у нас экстрасенс? – подумал Ерошкин. – Чем черт не шутит... Но если сочиняет, собака, пусть пеняет на себя...

На Большой проспект милиционеры приехали к 22 часам.

Машину оставили во внутреннем дворе соседнего дома, сотрудников в штатском распределили в подъезде и на черной лестнице, после чего вдвоем поднялись в квартиру Рохальского.

Время тянулось мучительно медленно, но наконец настенные часы пробили полночь. Ерошкин усмехнулся:

– Не видать тебе третьей звездочки, лейтенант, как своих ушей...

– Тихо! – приложил палец к губам Круглов. – Послушайте!

В спальне покойного художника послышались звуки пианино, словно кто-то потихоньку подбирал нужные ноты.

Подполковник вслушался и остолбенел: неизвестный явно пытался сыграть песню, ставшую после появления на советских экранах сериала «Следствие ведут знатоки» чуть ли не гимном милиции: «Наша служба и опасна, и трудна...»

– Вот наглец! – возмутился Ерошкин. – Мало того что залез в опечатанную квартиру, так он еще и издевается!

Он сделал знак Круглову: «Будем брать».

Достав и передернув затворы пистолетов, оба милиционера на цыпочках приблизились к спальне, распахнули дверь и с криком: «Всем стоять на месте! Руки вверх!» ворвались внутрь.

Увиденное настолько поразило их, что они на минуту лишились дара речи.

За пианино сидел здоровенный черный кот с почему-то показавшейся Ерошкину нахальной мордой и двумя лапами перебирал клавиши старинного инструмента. Рядом с ним, закинув ногу за ногу, сидела на стульчике сногшибательная брюнетка в черном платье с глубоким декольте, в черных колготках и туфлях на высоченных шпильках. Одной рукой она почесывала спину мурлыкающему от удовольствия коту, а в другой руке у нее дымилась сигарета. При этом во всем ее облике было что-то хищное, демоническое. Она лениво повернула голову в сторону милиционеров и иронически улыбнулась.

В тот же миг из кресла, стоящего в углу комнаты, с криком «Ба, какие люди!» поднялся и стремительно подошел к блюстителям порядка мужчина среднего роста, в изрядно поношенной черной паре и с лихо закрученными пейсами.

Круглов взглянул на него и обомлел: это был «кадровик» из его сна, поразительно похожий на Гитлера, он же случайный прохожий у метро «Петроградская», он же черт его знает кто на самом деле.

Широко улыбаясь, копия великого диктатора протянула руку Ерошкину:

– Александр Иванович, дорогой! Какими судьбами? Мы так рады, так рады! – и, не дождавшись рукопожатия, повернулся к лейтенанту: – И Виталий Александрович здесь? Какое счастье! Как здоровье супруги? Веры Николаевны? Привет ей передавайте, большой, большой! Ждем в гости всенепременно...

Он тараторил без умолку, и Ерошкин не выдержал:

– Да ты сам-то кто такой, черт тебя подери?

– Ах, склероз проклятый! – хлопнул себя по лбу незнакомец. – Виноват! Сразу не представился... Семакин. Марк Аронович Семакин.

– Вы что же, еврей? – по-прежнему пребывая в растерянности, задал глупейший вопрос Круглов.

– Стопроцентный. Не поверите, Виталий Александрович, стопроцентный, даже иудеем побывал. Познал, так сказать, все прелести обрезания. Мне, видите ли, его в более зрелые годы сделали. Как вспомню, так пейсы и те дыбом встают. Не вздумайте повторить мою ошибку. Поверьте, что это одно сплошное членовредительство... Но это уже в прошлом, в прошлом... Правда, видите, пейсы с тех пор сохранил. Подстричь некогда, да и, признаюсь, не на что... – Семакин мелко всплакнул: – Средств недостаточно. Откуда взять денег бедному еврею? Я, грешным делом, думал даже на Старую площадь обратиться... Или, – он лукаво взглянул на подполковника, – может, наша родная милиция займет?

– Как вы сюда попали? И что вы здесь делаете? – окончательно рассвирепел Ерошкин. – И откуда здесь эта дамочка с котом?

– Даю вам честное благородное слово бывшего иудея, уважаемый Александр Иванович, исключительно руководствуясь добрыми побуждениями. Ждем одного высокопоставленного гостя. Очень высокопоставленного, – продолжал нести ахинею Семакин. – А дамочка, поверьте мне, вовсе и не дамочка. То есть, сейчас она натурально, как вы изволили выразиться, дамочка, а завтра совсем наоборот. И еще как наоборот. Правда, Азазель? – повернулся он к брюнетке.

Дамочка ослепительно улыбнулась и послала Семакину воздушный поцелуй.

– А что касается кота, доблестный хранитель порядка, то он просто обожает подурачиться. Нынче он кот, завтра черный пудель, послезавтра ему в голову еще что-нибудь взбредет. Такое, я вам доложу, ушное животное, спасу нет!»

– Значит так, – потеряв всякое терпение, заорал подполковник, – вы все задержаны и будьте любезны проследовать за мной!

– Ах, Александр Иванович, голубчик, у меня двоюродный племянник по линии третьей жены сводного брата троюродного дяди золотки моего внучатого кузена тоже служит в милиции, – грустно вздохнул бывший иудей, – и он объяснял мне, что арестовывать надо, имея при себе оружие. Так положено. А у вас его как раз и нет...

– Как нет? – вены вздулись на шее у Ерошкина. – А это, по-твоему, что? – Он выразительно поднял правую руку к потолку.

– Где? Ничего не вижу, – противным визгливым голосом ответил Семакин. – Бафомет, где у них оружие?

– А вот оно! – сказал кот, ударив лапой по крышке пианино.

На глазах у изумленных милиционеров пистолеты выскочили у них из рук и, описав короткую дугу по воздуху, оказались в лапах у кота.

– Чьи пистолетики? Не ваши ли, случайно? – глумливо произнес кот и, понюхав по очереди дула, тут же наябедничал: – Круглов опять пистолет плохо почистил. И как его с таким оружием на задания пускают?

В это время брюнетка поднялась со стула и, выпустив струю дыма в лица временно лишившихся дара речи Ерошкина и Круглова, подошла к Семакину:

– Пора заканчивать спектакль. Я чувствую приближение мессира. Он будет с минуты на минуту. И эти, – она указала в сторону милиционеров, – здесь определенно не нужны.

– Да, разумеется, – кивнул головой двойник Гитлера, в мановение ока переоблачился в военный френч без погон и уселся за непонятно откуда взявшийся казенный стол.

На носу у него появились очки со стальными дужками, сквозь которые он сурово посмотрел на стражей порядка:

– Как я уже говорил вам, извольте немедленно отбыть к месту командировки, – он достал из кармана френча вдвое сложенный бумажный лист и вручил его лейтенанту.

– А как же я? – ощущая себя полным идиотом, задал «кадровику» вопрос Ерошкин.

– Вам командировочное удостоверение ни к чему, – решительно отрубил Семакин. – На пальцах все объяснять будете. Бафомет! – повернулся он к коту.

Кот пружинисто прыгнул на пол и, подскочив к Ерошкину и Круглову, схватил их за шиворот и потащил к окну, охотно распахнувшему ставни перед любителями ночных засад.

– Все, конец! – успел подумать Ерошкин.

– Если до утра не вернусь, Вера мне такую сцену закатит... – промелькнуло в голове у Круглова.

И они оба потеряли сознание.

Глава 3.

Джинсы на халяву, или Да здравствует мафия!

1

Открыв глаза, Круглов обнаружил себя лежащим на скамейке в неизвестном парке в рваной футболке и кальсонах с завязками, засыпанный с ног до головы старыми пыльными газетами. В изголовье у него лежала милицейская фуражка.

– Что случилось? Где я? Ничего не понимаю! Откуда фуражка взялась? Чья она? – он перевернул ее и ахнул, увидев на ярлыке написанные шариковой ручкой две заглавные буквы «К» и «В». Это была его фуражка.

Круглов поднялся на ноги, огляделся по сторонам и обомлел.

У ближайшей границы парка, там, где заканчивались деревья, в пределах прямой видимости стояли высоченной стеной небоскребы.

– Это не Петербург... – от нехорошего предчувствия у лейтенанта томительно засосало под ложечкой. – Неужели Нью-Йорк? Не может быть!!

Он перевел взгляд на аллею парка и увидел двух здоровенных негров, которые, держа в руках магнитофон, надрывающийся песней «My Papa was a rolling stone» в исполнении группы «The Temptations», ритмично пританцовывая, направлялись в глубину парка. Моментально события минувшей ночи всплыли в его сознании: пылающие как угли глаза демонической брюнетки, страх и беспомощность, черный кот, подтащивший его и Ерошкина к открытому окну, ощущение полной обреченности, неизбежной гибели, свободного падения в пропасть – и все, темнота.

– Значит, старик Рохальский все-таки не врал. Он в самом деле вернулся... – ноги у Виталия подкосились, и он вновь погрузился в беспамятство.

Когда Круглов очнулся, уже вечерело.

– Боже мой, что делать? Что делать? Язык английский не знаю, денег нет, документов нет. Из формы одна фуражка... – он лихорадочно обшарил карманы кальсон.

Левая рука неожиданно наткнулась на смятый листок бумаги. Круглов трясущимися пальцами развернул его.

– Предъявитель сего лейтенант Петроградского РУВД г. Санкт-Петербурга Круглов В. А. действительно направлен мной в командировку в США для сбора средств в поддержку российской милиции». Подпись: «Пахан Семакин». Печать была размыта, но в лучах заходящего солнца все же можно было разобрать слово «ментовка».

Виталий нервно разорвал бумагу в мелкие клочья: «С такой справкой сразу же примут за психа...» – и бросил обрывки на аллею.

В ту же секунду он услышал грозный окрик, и сердце провалилось у него в штаны от увиденного. Яростно размахивая кулаками и выразительно жестикулируя, к нему приближалась группа накачанных чернокожих парней с толстыми, из белого металла, цепями на бычьих шеях. Намерения завсегдатаев Центрального парка Нью-Йорка показали Круглову, честно говоря, весьма недоброжелательными.

Оценив ситуацию, он понял, что убежать уже не успевает и остается только одно: пасть в неравном бою.

– Пропадать так пропадать! – решил Виталий и, припомнив все, чему его учили в школе милиции, сначала встал в стойку, а потом с криком: «Питерская милиция не сдастся!», очертя голову кинулся навстречу черным бугаям.

Когда Виталий опять пришел в себя, было совсем темно. Его везли в джипе по улицам ярко освещенного города, и голова Виталия, раскалываемая от боли, лежала на коленях

у одного из негров. Один глаз заплыл чудовищных размеров синяком, а правая щека слегка поддегивалась.

Впереди сидящий верзила повернулся к Круглову и, обнажив зубы в белоснежной улыбке, потряс перед лицом лейтенанта снятой с него майкой:

– Russian Mafia? – спросил он.

– Какая мафия? – оторопело произнес Виталий.

Негр развернул майку: на ней было написано по-английски «Russian Mafia» и изображен бубновый туз, пронзенный кинжалом. Быстренько сообразив, что нью-йоркские хулиганы, видимо, по ошибке приняли его за российского бандита, и, вспомнив о том, какой небывалой славой пользуются за рубежом его блатные соплеменники, Круглов гордо поднял голову и вызывающе поглядел на чернокожих спутников:

– Рашен мафия – это я! Я! – и ткнул себя пальцем в грудь.

Негры радостно загалдели и зацокали языками:

– Yes, yes, Russian mafia! Great!

– Welcome, little brother! (Добро пожаловать, младший братишка!) – нежно сказал ему черный здоровяк, у которого он лежал на коленях, и ласково погладил Круглова по голове.

– Йес, йес! – сразу же почувствовав уверенность, грозно закричал лейтенант и, собрав в своей памяти все громкие имена блатного мира России, начал радостно перечислять их по пальцам: – Тайванчик, Феоктистов, Малышев, Кум, Дед Аслан... Это я, я...

Чернокожие парни многозначительно переглянулись между собой и, пожимая ему по очереди руки, стали всем своим видом выказывать Круглову глубочайшее уважение.

– Dear Brother! Dear little brother, welcome to New-York! Welcome to America! – заговорили они, перебивая друг друга.

– Слушайте, ребята, а я что, в натуре, в Нью-Йорке? Это Нью-Йорк? – решил окончательно прояснить для себя ситуацию Виталий.

– Yes, yes! It's really New-York! – залопотали верзилы, похлопывая лейтенанта милиции по плечу.

– Мама дорогая! – запричитал Виталий. – Выходит, зря подполковник Ерошкин не поверил старому художнику... Это и впрямь проделки Воланда, иначе я бы здесь не оказался. Как бы теперь с ума не сойти от страха... – зубы и колени нашего героя начали отстукивать чечетку.

Черные парни сочли, что Виталий замерз, и сначала выключили в машине кондиционер, а потом предложили ему отхлебнуть из горла литровой бутылки виски.

Да, надо взять себя в руки, надо успокоиться – подумал лейтенант и изрядно приложился к бутылке.

– What's your name? – спросил кто-то его.

Именем интересуются, сообразил Круглов и, не раздумывая долго, брякнул: – Виталик-убийца. Киллер, по-вашему...

– О, killer! – почтительно склонили головы хулиганы в знак высочайшего уважения.

А «Виталик-убийца» тем временем опять отхлебнул виски из горла.

Один раз, потом другой, третий... И дальше...

Дальше события закрутились с фантастической быстротой, как шарик в рулетке.

2

Через два часа, переодетый в черную кожаную куртку, джинсы, ботинки ручной работы, с золотой цепью на шее и часами «Patek Philippe» на руке, Круглов сидел в компании чернокожих парней в ночном нью-йоркском ресторане на углу Бродвея и 44-й улицы, (street, по-ихнему). Он жадно рвал зубами очередную порцию запеченных говяжьих ребрышек и запивал их красным калифорнийским вином.

Периодически Виталий вскакивал со своего места и выкрикивал своим собутыльникам тосты типа: «Мафиози всех стран, объединяйтесь! Русские и американские бандиты – друзья навек! Мафия бессмертна!».

При этом он выразительно цыкал зубом, расставлял пальцы веером и пытался научить своих новых знакомых петь хором «Мурку» и «Владимирский централ».

Последующие приключения ночи Виталий помнил смутно.

Очнулся он утром в шикарном номере неизвестного отеля от деликатного, но настойчивого стука в дверь.

– Войдите! – закричал лейтенант охрипшим голосом.

Вошла пожилая темнокожая горничная, толкая перед собой тележку с завтраком. Вместе с ней мелко семенил ногами служащий отеля в красно-синей униформе с десятком пакетов в руках.

– Good morning, Sir! Your breakfast, please. And some gifts from your friends, – горничная указала рукой на пакеты, и Круглов догадался, что речь идет о подарках от друзей.

Он кивнул головой прислуге, и когда они вышли, быстро схватил один из пакетов, раскрыл его и оторопел. Пакеты были плотно набиты голубыми джинсами с яркими этикетками.

«Это, выходит, я их вчера на джинсы развел, – свистнул сквозь зубы Виталий, – Ай, как нехорошо! Что же делать-то теперь?»

Бросив взгляд на телефонный столик, он заметил лежащий на нем запечатанный конверт с нарисованным сердечком. Вскрыв конверт, Круглов обнаружил в нем 5000 американских долларов сотенными купюрами и вложенную записку: «Good Luck Dear Little Brother!»

Удачи желают – догадался Виталий – Вишь, как они наших братков уважают!

Он пересчитал деньги: «Ты смотри, и денег на билет в первом классе оставили... Это после того, как я им все уши прожужжал о том, что мне нужно срочно лететь в Москву на воровскую сходку. Бог мой, чего я еще прошлой ночью наговорил этим парням?»

Позавтракав, Круглов вышел на балкон подышать свежим воздухом после ночных приключений и невольно зажмурился от восхищения: под ним, где-то далеко внизу, бурлила жизнь большого города.

Текла непрерывным потоком людская река, неспешно бежали автомобили разных размеров и моделей, среди которых желтыми вкраплениями выделялись машины нью-йоркского такси. Виталий еще не осознавал в этот момент, что стоит в самом сердце Нью-Йорка, на балконе отеля «Нью-Йорк Палас», одного из самых фешенебельных и дорогих отелей, а улица, которой он любуется, – знаменитое 6-е авеню, и что он может пешком, не спеша, легко прогуливаться от гостиницы до Бродвея и Центрального парка.

– Да, лепота! – восторженно вздохнул лейтенант. – Господи, неужели я в Америке?

И тут его будто током ударило: «Это значит, я здесь, а Верочка в Питере? И начальство, поди, с ног сбилося, разыскивая меня и Ерошкина... Кстати, интересно, а где сейчас Александр Иванович? Может быть, тоже в Нью-Йорке? Но что же я, дурак, стою? Надо срочно действовать... Так, так... – Вернулись ночные страхи, и мысли забежали у него в голову, обгоняя одна другую: – Я должен немедленно вернуться в Петербург. Деньги на билет у меня есть, а вот документы... С документами беда... Стоп, я должен обратиться в российское консульство. Но что я им скажу? Что меня зашвырнул в Нью-Йорк каким-то непонятным образом огромный черный кот? В консульстве сразу же решат, что я спятил... Что же делать?»

Он в отчаянии плюхнулся в кресло.

Но вскоре спасительная мысль пришла ему на ум: «А расскажу я им, пожалуй, что меня усыпили и тайно вывезли из страны представители международной мафии».

От радости он забил в ладоши:

– Ай да Круглов, ай да сукин сын! Точно, это вариант! Все, вперед, в посольство!

После недолгих объяснений внизу, у стойки с портье (благодарю случайно оказавшемуся в это время в вестибюле работнику туристической компании, бывшему москвичу еврейской национальности Льву Гальперину), Виталий сел в такси, и всю дорогу, путая русские слова с английскими, подгонял водителя, пожилого индуса в чалме:

– Поддай газу, шеф! Faster, faster, несусветный папаша! Move on!

Удивительно, но в консульстве его приняли достаточно быстро. Сидя перед окошком с табличкой «прием граждан России», Круглов быстро собрался с мыслями, и затем, даже не покраснев, влил в уши симпатичной блондинке-секретарше леденящую кровь в жилах историю о его похищении.

Далее он потребовал безотлагательную встречу с консулом или с кем-нибудь из помощников, а также закрытую телефонную связь для общения с руководством РУВД в Петербурге.

Девушка критическим взглядом окинула Виталия, однако улыбнулась и, сказав: «Подождите, пожалуйста, пять-десять минут», упорхнула, как показалось лейтенанту, на целую вечность.

Наконец она появилась:

– С вами готов побеседовать сотрудник службы безопасности. Пройдите, пожалуйста, через эту дверь. Вас ждут в кабинете №2.

Она нажала кнопку, дверь в стене отъехала в сторону, и Виталий, пройдя с десятков шагов, оказался в небольшом, ярко освещенном кабинете без окон и со стеклянной перегородкой, делящей комнату пополам.

За перегородкой стоял стол, за которым сидел мужчина лет сорока пяти-пятидесяти, с редкими светлыми волосами, в сером костюме.

– Меня зовут Сергей Николаевич, – холодно произнес работник службы безопасности. – Представьтесь, пожалуйста, и расскажите подробно, что вас сюда привело.

– Я лейтенант милиции Петроградского РУВД города Санкт-Петербурга Круглов Виталий Александрович, – и Виталий в точности повторил сочиненный им рассказ.

Сергей Николаевич иронично улыбнулся: «Похожи вы, Виталий Александрович, скорее на бригадира организованной преступной группы, чем на сотрудника милиции. Цепь золотую и часы вам на службе выдали?»

Круглов мысленно чертыхнулся: «Надо же, так торопился, что забыл снять...»

А вслух сказал:

– Да, это мне дали на работе для выполнения специального задания.

– Ну а документы, удостоверяющие вашу личность, можете представить? Любые. Водительские права, паспорт...

Виталий машинально пошарил в карманах кожаной куртки и неожиданно-негаданно наткнулся на лист бумаги. Вынув и развернув его, он похолодел от ужаса: это было командировочное предписание, выданное Семакиным.

«Как могло так получиться? – недоумевал лейтенант. – Я же разорвал его на мелкие клочки и выбросил...»

– Что это у вас? Позвольте взглянуть! – заинтересовался Сергей Николаевич.

– Нет, нет! Это к делу не относится, это так, счет из гостиницы... – смутился Круглов.

– Зачем же, позвольте спросить, международной мафии похищать из России обычного работника милиции? Это ведь целая операция...

– Кто их знает, Сергей Николаевич, – продолжал уверенно врать Виталий. – Может быть, с кем-то перепутали. Для подтверждения моих слов прошу меня сфотографировать и отослать в Петербург мое фото и образец подписи, а также предоставить мне телефонную связь с руководством РУВД...

Офицер службы безопасности хмыкнул с сомнением, но просьбы Круглова удовлетворил.

– Манохин у аппарата, – услышал лейтенант знакомый голос начальника РУВД и чуть не поперхнулся от волнения.

– Виктор Павлович, это лейтенант Круглов говорит...

– Куда ты, черт возьми, подевался, Круглов? Мы с ног сбились, разыскивая тебя с Ерошкиным. И тут еще жена твоя названивает дежурному каждый час. С ума нас сводит... А, кстати, где Ерошкин? Он с тобой? Ты что молчишь, оглох?

– Товарищ полковник, я в Нью-Йорке, в нашем консульстве. Был насильно вывезен врагами за границу. О местонахождении подполковника Ерошкина мне ничего неизвестно, но...

– Ты что, шутки вздумал шутить, лейтенант? – в голосе начальника появились металлические нотки. – Или ты пьян? Я тебя, сукиного сына, за такие дела...

– Товарищ полковник, – взмолился Круглов, – не пил я ни капли. Вот и Сергей Николаевич из службы безопасности консульства может вам это подтвердить... – он протянул телефонную трубку работнику консульства.

– Болдаков Сергей Николаевич, служба безопасности консульства России в Нью-Йорке, – по-военному отрапортовал тот и ехидная улыбка появилась на его лице. – Нет, не пьян, но выхлоп от него стоит приличный. Видимо, накануне принял изрядно...

Виталий густо покраснел.

– Да, направляем вам его фотографию и образец подписи. При подтверждении личности Круглова немедленно отправим его на родину... Да, всего хорошего.

Через три часа обезумевший от счастья лейтенант ехал на машине с консульскими номерами в аэропорт. В багажнике лежали пакеты с джинсами – подарки от американских гангстеров российским коллегам. Перед отъездом из консульства Виталию дали переговорить с женой и, поднимаясь на борт аэробуса, он мысленно обнимал свою Верочку, целовал ее плечи и...

Впрочем, не будем торопиться, читатель, мы еще не прилетели домой.

Во время транзитной стоянки во Франкфурте Круглов, воспользовавшись сорокаминутным перерывом в полете, отведal в баре аэропорта знаменитого баварского пивка и через час после взлета почувствовал вполне объяснимое желание покинуть ненадолго свое кресло.

Выйдя из туалета, он было направился на свое место, но в тот же самый миг кто-то из полумрака хвостовой части самолета легонько потянул его за рукав.

Обернувшись, Виталий увидел одетую в форму стюардессы привлекательную молодую женщину, в которой он, с нескрываемым ужасом, опознал ту самую роковую брюнетку, что повстречалась ему, на его несчастье, в квартире Рохальского в злополучную июньскую ночь.

Глаза красавицы пылали адским огнем. Она прижалась к остолебеневшему лейтенанту и прошептала ему нежным голосом прямо в ухо:

– Ну как погуляли в Нью-Йорке, Виталий Александрович? Правда, негры классные парни? И дерьмом собачьим от них совсем не пахнет...

Не дождавшись ответа, она перешла на казенный, официальный тон:

– Про отчетик в кадры не забудьте, пассажир! И джинсами не худо было бы поделиться... Что же мы вас из Америки, задарма должны домой везти?

Глядя остекленевшим взором на демоническую женщину, Круглов принялся лепетать и оправдываться, как нашкодивший первоклассник:

– Джинсы все считанные, от американских братков коллегам везу, вы уж не взыщите... А отчет, извольте, напишу сейчас же... А говорящий кот тоже на борту? Вы спросите у него обязательно, куда он подполковника Ерошкина забросил, а то Виктор Павлович ругаться изволит, обещает семь шкур спустить...

А затем, испустив дикий вопль, лейтенант рухнул на пол и, мелко стуча по нему новыми ботинками ручной работы, залился младенческим плачем.

В аэропорту «Пулково» свихнувшегося лейтенанта встречали начальник РУВД Манохин и карета «скорой помощи».

Сочувственно посмотрев на безумно закатившиеся глаза и трясущиеся руки Круглова, высокий милицкий чин сочувственно вздохнул и обратился к санитарам с назидательной речью:

– Вот видите, до чего доводит людей проклятая заграница. Видимо, виски, будь оно трижды неладно, перепил. Нет, друзья, я всегда говорил, что русская водочка куда как надежнее.

– Ну, ничего, Виталий, – добавил он, подходя вместе с работниками «скорой помощи» к машине, – наши врачи тебя быстро на ноги поставят. Вы уж постарайтесь там, у себя, ребята...

– Сделаем все, что в наших силах, товарищ полковник! – дружно ответили санитары и увезли несчастного лейтенанта в психиатрическую больницу №3 имени Степанова-Скворцова.

Глава 4.

Когда в воздухе пахнет политикой...

В Управлении Манохина с нетерпением ожидала его секретарша Клавдия Николаевна, дама пятидесяти пяти лет, давно потерявшая свою былую привлекательность, но по-прежнему преданная своему шефу как сторожевая собака. Лицо у нее было озабоченное:

- Виктор Павлович, звонил Алексей Михайлович.
- Соедини немедленно.

Алексей Михайлович был начальником ГУВД Санкт-Петербурга, и старый служака Манохин отлично понимал, что на звонки руководства надо реагировать незамедлительно

– Кому еще я был интересен или выгоден? – усаживаясь в кресло, полюбопытствовал полковник, еще не пришедший в себя после встречи в аэропорту с обезумевшим сотрудником.

– Два раза звонил первый заместитель начальника УФСБ Плотников Николай Николаевич и раз шесть-семь звонили из японского консульства, просто телефон оборвали...

– И какого лешего им надобно? Не говорили? – спросил Виктор Павлович удивленно. – Нет? Ну и бог с ними, нужен буду – перезвонят.

– Неужели Ерошкина японцы украли? – проскочила бредовая мысль. – Вот еще, вздор!

– Слушай, Палыч, – услышал он в трубке голос Алексея Михайловича, – ситуация с пропажей твоих сотрудников начинает приобретать политический характер. Мне преемник Железного Феликса (так в разговоре между собой они называли начальника Управления ФСБ) звонил с Литейного, и просил срочно разобраться с этой проблемой. Его проинформировали коллеги из нашего посольства в США, ну и он давай бить в колокола. Почему работник МВД оказался в Америке, не мог ли он быть ранее завербован, не осведомлен ли в государственной тайне... Откровенно говоря, я его понимаю, работа в ФСБ такая. Одним словом, они тебе сотрудника своего направляют, майора Григорьева, для подробного расследования данного ЧП. Окажите Григорьеву полное содействие и держи меня в курсе всех дальнейших событий. Понял? Да, что слышно о Ерошкине? Ничего... Ладно, звони сразу, как только что-нибудь прояснится.

– Виктор Павлович, опять из консульства Японии звонят. Что им сказать? – деликатно поинтересовалась секретарша.

– Соединяй, Клавдия Николаевна. Они, судя по всему, все равно не отстанут.

Через двадцать минут красная кнопка вызова яростно замигала и загудела на селекторе внутренней связи.

– Слушаю, Виктор Павлович, – отозвалась исполнительная Клавдия Николаевна.

– Скажи, Клава, у тебя есть успокоительные таблетки? Или какие-нибудь капли? – по голосу шефа она поняла, что он пребывает в состоянии сильнейшего нервного потрясения.

Зажав в руке стакан с водой и две таблетки диазепама, секретарша молнией влетела в кабинет Манохина.

Лицо начальника было покрыто крупными каплями пота, галстук съехал набок, волосы на голове взъерошены. Пока Виктор Павлович принимал лекарство, Клавдия Николаевна успела вытереть ему лицо носовым платком, расстегнуть верхнюю пуговицу на рубашке, положить под голову маленькую подушку и даже приготовить чай с лимоном.

В конце концов Манохин отдышался:

– Представляешь, Клабочка, Ерошкин нашелся. И знаешь, где? Его подобрали в открытом море японские рыбаки, чуть живого и почти невменяемого. Говорят, что он упал в воду перед рыбацким баркасом, словно парашютист с неба свалился. Рыбаки доставили его на берег и сдали в полицейский участок. Следующий день он провел в тюремной больнице. Приехавшим за ним представителям российского посольства японцы вручили официальное письмо

с требованием крупной материальной компенсации за причиненный им Ерошкиным моральный и физический ущерб.

– Не может быть! – всплеснула руками секретарша.

– Очень даже может. Выяснилось, что, не владея японским языком, наш подполковник общался с рыбаками и полицейскими при помощи жестов, половину из которых они сочли для себя невыносимо оскорбительными и представили работникам посольства в качестве доказательств соответствующие видео- и аудиоматериалы. Кроме оскорблений, Ерошкин покусал до крови двух полицейских, лягнул ногой в зад представителя МИД Японии и расквасил носы нескольким рыбакам.

Клавдия Николаевна приснула в платочек:

– Ай да Ерошкин! Но, слава богу, ведь не убил же никого...

– Это еще не все, Клавочка. Во время потасовки с рыбаками он кричал, что как честный офицер милиции не может позволить этим косоглазым вылавливать русскую рыбу у наших берегов, хотя корабль находился в нейтральных водах. – Полковник отхлебнул чаю и, переведя дыхание, продолжил: – А потом он припомнил японцам военные репрессии в Китае и их притязания на Курильские острова. Разумеется, в нецензурной форме... И ситуация приобрела некоторый, я бы сказал, политический характер...

– А вот это уже странно, – низким грудным голосом проворковала преданная секретарша. – Не припомню, чтобы Ерошкин когда-либо политикой интересовался...

– Невероятно, немыслимо, бред какой-то! Сначала Круглов в Америке, теперь Ерошкин в Японии... – Манохин возмущенно засопел. – Вот ты мне скажи, Клава, как он оказался в Японском море? Как? Еще в 23 часа с ним разговаривал старший патрульной машины лейтенант Корольков, а утром следующего дня его вылавливают японские рыбаки. С учетом разницы в часовых поясах получается, что Ерошкин после разговора с Корольковым очутился в Японском море максимум через полтора часа. Он что, на ракете туда долетел? Чушь собачья! Круглов, по крайней мере, появился в нашем посольстве в Нью-Йорке почти через сутки после исчезновения, и здесь мне все ясно. За 8—9 часов он спокойно мог долететь до Америки. А Ерошкин как же? За полтора часа до Японии не доберешься...

Клавдия Николаевна с сочувствием погладила Манохина по плечу:

– Все прояснится, все встанет на свои места. Чудес, Виктор Павлович, не бывает.

– А вдруг бывает? Чем черт не шутит... – шальная мысль заскочила в голову полковнику, но, правда, ненадолго.

Через час в приемной Манохина появился майор ФСБ Виктор Григорьев, высокий русоволосый мужчина в костюме стального цвета, с цепкими, пронизательными глазами. Очевидно, он уже имел определенный план работы, потому что, представившись полковнику и получив у него согласие на беседу с лейтенантом Кругловым и прибывающим в Петербург ночным самолетом под строжайшим надзором врачей подполковником Ерошкиным, незамедлительно умчался в больницу.

Заведующий отделением профессор с украинской фамилией Мутноватый и грузинским именем Тенгиз, высокий брүнет с усиками и бегающими хитрыми глазками, был так напуган показанным ему Григорьевым удостоверением, что приходится лишь удивляться, как он сам немедленно не сошел с ума в своем служебном кабинете.

«Эге, – подумал майор – здесь, похоже, дело нечисто. Ты гляди, как он разволновался. Как пить дать крутит в больнице какие-то темные делишки. Ну да ладно, потом разберемся», – решил он, подходя с перепуганным профессором к палате №2, где и содержался в полном одиночестве несчастный лейтенант Круглов.

– Процедуры, уколы, холодный душ... Все как положено, все делаем, не извольте беспокоиться. Питание, правда, диетическое, но в положении больного острая, возбуждающая пища противопоказана. Хотя повар у нас, я вам доложу, отменный, в Италии стажировался. Вдума-

ете задержаться у нас, окажите честь отобедать вместе, – безудержно изливался словами Тенгиз Мутноватый.

– Извините, но давайте ближе к делу, уважаемый профессор, – с трудом сумел вклиниться в его речь Григорьев. – Меня интересует теперешнее состояние больного и причины его внезапного помешательства...

– Да, конечно, товарищ полковник...

– Майор, – поправил его Виктор.

– Виноват, – расшаркался Мутноватый. – Докладываю. Пациент, с вашего позволения, пережил состояние сильного стресса, возможно, был кем-то или чем-то напуган. Поэтому и рассказывает всякие небылицы. Слуги дьявола, женщина-демон, говорящий кот, пропавшая картина, американская мафия. Не исключаю и возможность сильного гипнотического воздействия на его психику извне. Вот, взгляните, – он подсунул Григорьеву историю болезни лейтенанта. – Для сведения также сообщаю, что в крови больного обнаружено остаточное содержание алкоголя, эквивалентное значительной дозе спиртного, порядка двух-трех бутылок крепких напитков. Принятый им алкоголь, безусловно, усугубил воздействие на психику пациента внешних раздражителей. В ближайшее время больному прописан покой и стационарное лечение. Три месяца, не меньше. Но условия у нас хорошие. Комфортная палата, отдельный санузел, звуконепроницаемые стены, тишина... А тишина в больнице, знаете, какая-то особенная. Вы еще не видели наш сад для прогулок. Непременно посмотрите...

Григорьев резко оборвал не в меру разговорчивого врача:

– Я, пожалуй, вас тоже приглашу к нам, на Литейный, погостить. Особенно рекомендую для осмотра подвальные помещения следственного изолятора... – но, увидев, как расширяются от страха зрачки у Мутноватого, несколько смягчил последние слова: – Впрочем, я, возможно, воспользуюсь вашим гостеприимством и навещу вас завтра. Заодно и с поваром познакомлюсь.

Тенгиз шумно, с облегчением выдохнул:

– Вот спасибо, товарищ генерал... Ах, простите, товарищ майор.

– А теперь хорошенько запомните мои слова, доктор, – майор отчеканивал каждое слово, – к Ерошкину и Круглову никого посторонних не пускать, даже родственников. Проинструктировать соответствующим образом дежурных врачей и медсестер. Принимать все необходимые меры по установлению личностей тех людей, которые попытаются вступить в контакт с нашими подопечными. О любых происшествиях сразу же сообщать мне. В конце рабочего дня составлять отчет не только о состоянии здоровья больных, но и об их просьбах, высказываниях, воспоминаниях. Дело государственной важности. Могут быть замешаны спецслужбы иностранных государств. Все понятно?

– Так точно, товарищ майор. Разрешите идти? – по-военному поднял руку к голове Тенгиз Мутный.

– В армии говорят, что к пустой голове руку не прикладывают, профессор, – невольно улыбнулся Григорьев. – Идите! Пока, во всяком случае...

Круглова майор обнаружил забывшимся в дальний угол палаты. Лицо его было закрыто ладонями, плечи судорожно вздрагивали.

Увидев Григорьева, повредившийся умом милиционер вскочил на ноги и замахал руками:

– Свят, свят! Чур меня, чур меня! Сгинь, нечистая сила! Сгинь, окаянный! Никуда я с вами не пойду! Знать ничего не знаю, и знать не хочу! Отвяжитесь вы от меня все. Я уже написал подробный отчет и отдал его лечащему врачу.... И джинсов у меня больше нет, все отдал Виктору Павловичу! Что вам от меня еще нужно?

– Прежде всего, успокойтесь, лейтенант Круглов, и ведите себя, как подобает мужчине и офицеру! – жестко произнес Виктор. – Что вы здесь истерики закатываете?

Невероятно, но слова Григорьева удивительным образом воздействовали на больного. Он успокоился, и медленно, хотя и с опаской, подошел к майору и спросил: «Скажите, кто вас ко мне направил? Разве не Воланд? Вы, должно быть, тоже из его шайки? Умоляю, скажите правду!»

– Направила меня к вам Федеральная служба безопасности, вот мои документы, – Григорьев показал Виталию «ксиву», – и отныне вы находитесь под нашей защитой и опекой. Бояться вам совершенно нечего, так что попрошу спокойно и подробно рассказать мне, каким образом вы попали сначала в Америку, а потом на больничную койку. По порядку.

– Хорошо, я готов, – послушно кивнул головой Круглов, но затем горькая гримаса появилась на его лице. – А разве вы не знаете, что местные врачи считают меня сумасшедшим? Грош цена показаниям психически больного человека...

– Нет, лейтенант, врачи считают вас человеком, пережившим сильный стресс, усугубленный обильным употреблением спиртного... – Щеки Круглова зажглись предательским румянцем, и это обстоятельство не ускользнуло от Григорьева: – Возможно, это было гипнотическое воздействие. Но в любом случае, скоро вы поправитесь и сможете выйти на работу. Итак, слушаю вас внимательно.

– Тогда разрешите задать вам один вопрос, который может показаться вам странным, товарищ майор, но тем не менее. Скажите, читали ли вы роман Булгакова «Мастер и Маргарита»?

– Да, читал. Вполне занятная сказка.

– Сказка, говорите? Я раньше тоже так считал, – грустно вздохнул больной. – Но боюсь, что все же это не сказка. Слушайте же, я расскажу вам, как все было... – И он поведал Григорьеву историю своих злоключений.

«Да, жаль парня. Похоже, с головой у него действительно не все в порядке, – подумал Григорьев, выслушав лейтенанта. – Хотя, черт побери, он сейчас совсем не похож на ненормального. Рассказывает последовательно, убедительно, не путается в мыслях. Глаза без всякой дури и хитрости. Или он меня разыгрывает? Если он и играет, то, надо отдать ему должное, играет великолепно, профессионально, на уровне заслуженного артиста, не меньше...

Как же он на самом деле оказался в Америке? Может быть, его накачали наркотиками и вывезли по чужим документам? Но в крови Круглова не обнаружено следов наркотических веществ. И кто мог это сделать? Мафия? Вряд ли. Спецслужбы? Ну, предположим. А с другой стороны, кому он на хрен сдался, в этой Америке? Они же там не дураки – вербовать сотрудника милиции таким скандальным образом. И зачем? Что он знает и что он может? Нет, здесь что-то не так.

Однако что я расскажу руководству? Сказку про Воланда, его свиту и пропавшую картину? Меня после этого в соседнюю палату, рядом с Кругловым поместят. Ладно, не буду волновать бедного больного, сделаю вид, что поверил ему. А дальше поставим в палате «прослушку»,ждемся Ерошкина и с ним еще поговорим. Не будем торопиться...»

А вслух сказал:

– Ну, допустим, что вы не врете. Хотелось бы в таком случае своими глазами взглянуть на Воланда и его компанию.

– Я думаю, что вы сможете найти его на Большом проспекте, в квартире художника Рохальского. Или идите по следам пропавшей картины. Я уверен, что он захочет обязательно получить ее в свои руки. Возможно, просто вернуть на старое место. И, если верить Булгакову, то в нашем городе скоро начнут происходить странные и необычные события. И их будет предостаточно. Но умоляю вас, не делайте глупостей и не пытайтесь арестовать их или рассердить... – Круглов стал опять впадать в беспокойное состояние. – Мы сделали такую попытку, и вы сами видите, чем это закончилось, – он вновь прикрыл лицо руками – Боже мой, боже мой, неужели все это не сон? Мне становится страшно... Я боюсь...

Плечи его затряслись от рыданий.

Григорьев нажал на кнопку, и вбежавшие санитары мгновенно всадили расчувствовавшемуся больному лошадиную дозу успокоительного. Круглов уронил голову на подушку. Блаженная улыбка появилась на его лице, и он забылся продолжительным сном.

После больницы Григорьев направился на Большой проспект Петроградской стороны в известную читателю квартиру. Как выяснилось, там уже успели побывать ребята из технической службы и установить скрытую технику.

«Молодцы, – обрадовался майор, – оперативно сработали!».

Он облазил всю квартиру старого художника на коленях, но ничего подозрительного не обнаружил. Дважды ему показалось, что где-то рядом мякнула кошка, затем прогавкала собака, вслед раздался заразительный женский смех, и все стихло.

Но внезапно противный мужской голос прошептал ему за спиной: «Ищи, Григорьев, ищи! Коленки не сотри...»

Майор резко обернулся и посмотрел вокруг. Никого. Тишина.

«Померещилось. Или наши технари прикалываются», – предположил Григорьев.

А невидимый собеседник тем временем добавил визгливо и ехидно: «Может, что-нибудь и найдешь. Например, от мертвого осла уши».

– Кто здесь? – не выдержал майор и резко выдернул из внутреннего кармана заряженный пистолет.

В ответ раздался гаденький смешок: «Кто, кто? Конь в пальто! Ты же видишь, никого нет! Протри глаза-то...» – и снова все стихло.

«Что за чертовщина? Что со мной? – Григорьев почувствовал, что холодный озноб прошиб его насквозь – Наверно, я заболеваю... И в квартире, кажется, очень душно. Надо срочно выйти на свежий воздух. Если наши парни с техникой забавляются, то придется им за это вмазать хорошенько... Тоже мне шутники».

Однако, выйдя на лестничную площадку, майор почувствовал резкое улучшение самочувствия и решил пообщаться с соседями. Но жильцы из соседних квартир были уже настолько напуганы последними событиями и частыми визитами людей в погонах, что замыкались в себе и отвечали неохотно и односложно.

Потеряв впустую три часа, Григорьев ощутил усталость, разбитость и некоторое разочарование: «Ладно, пусть милиция занимается поисками картины, а я на сегодня, пожалуй, закругляюсь. Завтра пойду разбираться в больнице с Ерошкиным».

Но и разговора с Ерошкиным не получился. К великому огорчению Григорьева, милиционер оказался совершенно невменяемым.

– Дьявол, дьявол! – закричал он, увидев Виктора, входящего в палату. – Изydi, сатана, изydi от меня!

Затем Ерошкин попытался лягнуть посетителя ногой, укусил его за палец и предпринял серьезную попытку въехать Григорьеву в ухо. Последнему намерению Ерошкина майор решительно воспротивился и вынужден был дать буйному больному «хорошего леща».

Придя в себя, подполковник открыл рот и... неожиданно заговорил по-японски. Из услышанного Виктор смог разобрать лишь «арригато» и «моси-моси». На этом его познания японского языка заканчивались, но, тем не менее, он решил записать на диктофон почти получасовое экспрессивное выступление новоиспеченного сумасшедшего.

«На всякий случай. Отдам нашим переводчикам, пускай разбираются, – подумал он. – Все-таки, что ни говори, уникальный случай. Врезал ему в челюсть, и он японский язык моментально освоил. А люди годами учат... Надо нашим преподавателям подсказать новый метод обучения иностранным языкам...»

Смазав йодом распухший палец, Григорьев рассеянно улыбнулся смазливой санитарке и направился к выходу.

«Если в словах Круглова есть хоть доля правды, то в ближайшие дни обязательно произойдет что-то необычное, – подумал он. – Подождем...»

И Григорьев действительно оказался прав. Странные события, одно удивительнее другого, начали происходить в городе на Неве. Пospешим же и мы навстречу новым приключениям героев нашего романа!!

Глава 5. Путь к себе

1

Но прежде чем погрузиться в волшебный мир грядущих чудес и откровений, позвольте поближе познакомить читателя с одним из главных действующих лиц произведения, выведенного на страницы книги под фамилией Григорьев. Хотя справедливости ради следует отметить, что до определенного возраста его жизнь проистекала весьма обыкновенно и даже заурядно, без особых происшествий.

В школьные годы Виктор, возможно, несколько и отличался от других своих сверстников крайним любопытством, нежеланием воспринимать на веру получаемые знания и неумеренной тягой к остросюжетной и научно-популярной литературе.

«Во всем мне хочется дойти до самой сути» – эта мысль лейтмотивом сквозила во многих поступках подрастающего ребенка.

«Как? Зачем? Почему?» – вопросы непрестанно сыпались из него как из рога изобилия, и острые на язык одноклассники прозвали его Почемучкой.

Он жадно проглатывал тысячи книг, описывающих невероятные путешествия и злоключения отважных героев в далеких заморских странах, в пустынях и джунглях, на суше и на море, на Земле и на других планетах.

В ту пору его любимыми писателями были Жюль Верн, Майн Рид, Фенимор Купер, Александр Грин, Эдгар По...

Он до дыр зачитывал переходящую из рук в руки отечественную и зарубежную фантастику. Александр Беляев, братья Стругацкие, Илья Варшавский, Станислав Лем, Айзек Азимов, Артур Кларк, Гарри Гаррисон, Роберт Шекли, Клиффорд Саймак...

И надо признать, что фантастика давала обильную пищу для пытливого ума подростка и порождала огромное количество вопросов в его и без того беспокойной голове.

«Что такое время? Что такое человеческая мысль? Есть ли Бог, и если да, то, что Он Собой представляет? Что такое сон? Есть ли край Вселенной? Что такое звезды и кем они созданы?» – непрестанно мучил он подобными головоломками знакомых из своего ближайшего окружения.

Мальчик едва не свел с ума преподавателя биологии Ивана Васильевича Перепелкина, так и не сумевшего доказать ему состоятельность эволюционной теории Дарвина.

На одном из уроков он совершенно обескуражил старика, задав ему простой по сути своей вопрос:

– Скажите, Иван Васильевич, чем можно объяснить практически полное отсутствие переходных эволюционных форм, наглядно демонстрирующих, к примеру, превращение плавника рыбы в руку человека, или переход от внешнего оплодотворения икры к внутриутробному зачатию?

Старичок-преподаватель едва не выронил из рук указку:

– А-а-а...

– А ведь переходных форм должно быть несметное количество, во много раз превышающее количество существующих на Земле видов животных, птиц и земноводных. И почему нет ни одной эволюционной ветви, убедительно подтверждающей возникновение и самого человека как венца эволюции?

Бедный Перепелкин слегка отдышался и предпринял попытку поставить на место зарвавшегося ученика. Сладко улыбаясь, он пропел ехидным голосом:

– И что же, по-твоему, привело к появлению на Земле человека, будущий доктор наук Григорьев? Подскажи нам всем...

Ответ Виктора прозвучал как гром среди ясного дня:

– По-моему, это был акт творения!

Перепуганный насмерть Иван Васильевич схватился за сердце:

– Что за ахинею ты несешь, Григорьев? Какой такой «акт творения»? И думать так не моги! А если кто из посторонних услышит? Ты хочешь, чтобы нам всем припаяли религиозную пропаганду? Ах, держите меня, мне дурно!

И закатив глаза, старичок медленно сполз вдоль стенки на пол.

Староста класса Сашка «Ботаник» головой открыл дверь в кабинет дежурной медсестры:

– Мариванна, Перепелкин кончается! Где, где? На уроке! Витка Григорьев его вопросами допек.

Биолога, разумеется, спасли, а Виктор классная руководительница строго-настрого запретила задавать преподавателям вопросы теологического характера. Ибо в те годы одна только мысль о возможности существования Бога была повсеместно осуждаема и порицаема. Везде, кроме церкви...

А уж публичная декларация...

Время шло, Виктор вырос, и вопросов накапливалось все больше и больше, а объяснения школьных преподавателей уже не удовлетворяли его. Ответы типа «этого никто не знает и никогда не узнает» казались мальчику неприемлемыми.

«Если есть замок, то непременно должен быть и ключ. Любое следствие имеет причину», – так думал он и пытался найти ответы на свои вопросы у других людей, в книгах, журналах...

Но книги и журналы стоили денег, а Григорьевы, к слову сказать, жили достаточно скромно. Двухкомнатная квартира со смежными комнатами, небольшая зарплата матери, работавшей простым инженером в проектно-конструкторском бюро...

Мать Виктора, Анна Петровна, рано овдовела, повторно же выйти замуж не захотела и перенесла всю нерастраченную любовь на сына.

Она часто плакала тайком от Виктора, а встречая из школы, обнимала его, гладила по голове и говорила: «Учись, сынок, хорошенько учись! Тот истинно богат, кто много знает. Знания откроют тебе дорогу к иной, лучшей жизни. Мир полон чудес, и надо всего лишь протянуть к ним руку...»

И он прилежно учился на пятерки, участвовал в школьных и городских олимпиадах по русскому и английскому языкам, литературе, физике, химии, посещал занятия театрального кружка, активно занимался спортом. И терпеливо ждал, как и все дети, когда же наконец Страна чудес распахнет перед ним свои двери.

Первый удивительный случай произошел с Виктором, когда ему исполнилось четырнадцать лет, и он очередной раз в рамках школьной программы вместе с одноклассниками должен был посетить Эрмитаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.